

Борис Гашев

Гашев Борис Владимирович (03.02.1939 – 01.05.2000) родился в городе Верещагино Пермской области. Дед его, Николай Владимирович, священник из села Ильинское, был репрессирован и умер на этапе (ныне причислен к лику святых). Отец Б.В. Гашева, как сын священника, был исключен из университета, работал в лесничестве. Несмотря на трудности, родители поэта, Владимир Николаевич и Людмила Васильевна Гашевы, сумели выучить своих троих детей, все они получили высшее образование. Б.В. Гашев окончил историко-филологический факультет Пермского университета. Работал инструктором на станции юных туристов (1963–68), корреспондентом газеты «Молодая гвардия» (1968–71), редактором в Пермском издательстве (1971–73), заместителем ответственного секретаря газеты «Вечерняя Пермь» (1973–98). Печатался в местной периодике, в журналах «Урал», «Юность», «Очарованный странник» (Ярославль). Автор стихотворного сборника «Невидимка» (2003, посмертно). Лауреат премии имени В. Катаева журнала «Юность». Жена Б.В. Гашева – Надежда Николаевна Гашева, в 1960-е – 90-е гг. редактор Пермского книжного издательства. Дочь Ксения – драматург, поэт. Б.Г. – участник АСУП-2. Жил в Перми.

Филологическая маркировка стихов Б.Г.

Традиции, направления, течения: реализм, «тихая лирика», «магическая лирика», сюрреализм.

Основные имена влияния, переклички: М. Лермонтов, Ф. Тютчев, В. Ходасевич, Д. Хармс, А. Решетов.

Основные формальные приемы, используемые автором: остранение, элементы примитивизма, повествовательность, прозаизация, рефрен, параллелизм, игра с словоформами, омонимами, выворотка образа с изменением смысла на противоположный, визуализация сновидческого образа, черно-белая хроматика.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: ночной пир (пирушка, вечеринка, гульба), одиночество (уединение), звезда, окно, глаз, слепота (тьма), ночные звуки (голос, свист), травма (пробоина, дыра).

Творческая стратегия: преодоление обиды, гармонизация личного опыта в рамках деструктивной реальности.

Коэффициент присутствия: 0,48

НАДЕЖДА ГАШЕВА (ВДОВА ПОЭТА) о Б.Г. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕВИДИМКЕ

Рассказать о тайне личности человека, незнакомого читателю, невозможно. Поэтому приведу лишь несколько эпизодов из его жизни да несколько цитат, которые скажут сами за себя.

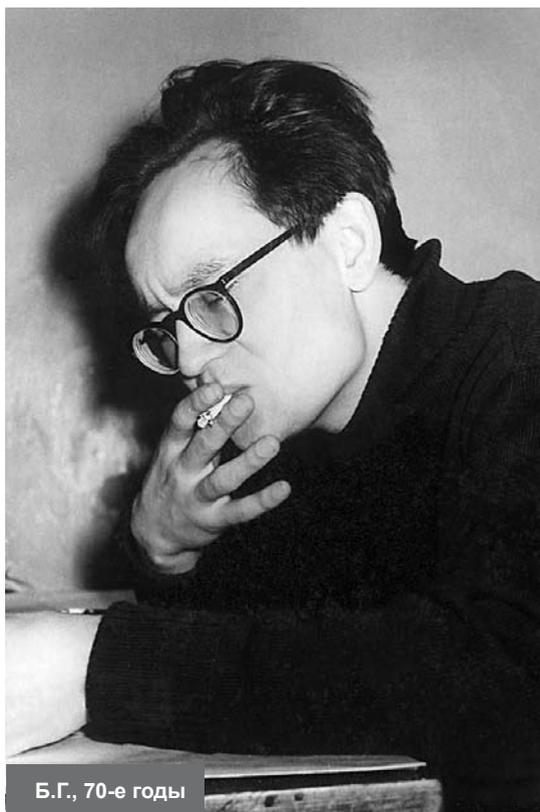
Борис Владимирович Гашев родился в 1939 году, как он сам говорил, между молотом и наковальней. Семья жила в поселке (позднее городе) Верещагино Пермской области.

В детстве Боря любил играть в футбол и был капитаном футбольной команды, но всегда носил с собой томик стихов Лермонтова. Однажды он уговорил друга покинуть скучный мир школы и взрослых, вырыть пещеру на берегу речки Лысьвы и жить там. Оказалось, пещеру вырыть очень трудно, а запасы еды были скудны, не только у мальчишек, но и дома – народ после войны жил впроголодь. Робинзоны вернулись домой. И тут старший брат Коля рассказал Боре о грозящей Земле катастрофе (очередная комета приближалась). Бориса это взволновало, и он решил оставить хоть какое-то свидетельство о том, что на планете была жизнь. Он долго сочинял послание неведомо кому, а потом понял, что негде его спрятать и вряд ли оно сохранится...

В старших классах Борис много читал, часами просиживал в городской библиотеке. Однажды, когда он хотел взять очередную книгу (он учился тогда в 9-м классе), библиотекарьша сказала: «А ты, мальчик, уже все тут прочитал». К счастью, старший брат поступил к тому времени на филфак Пермского университета, и чтение продолжалось.

С 1-го по 10-й класс Борис любил одну девочку, Таню Марамыгину, но так и не сказал ей об этом. Впрочем, Таня, наверное, догадалась сама. В 16 лет Гашев написал повесть, не был удовлетворен ею и сжег рукопись. Он жалел потом об одном абзаце из этой повести, где было описано, как мальчик ныряет в воду и проходит через разные слои воды...

А дальше был в его жизни Пермский университет, об этом он немного написал сам, так что луч-

Б.Г., 70-е годы

ше процитировать: «С отчаянием вспоминая 50-е годы, сразу попадаю в 56-й, когда я со скрипом поступил в Пермский университет. Это учебное заведение размещалось в бывшей ночлежке для бродяг. Построил её друг Горького пароходчик Мешков, отдавший вскоре свои пароходы, пристани, миллионы и, разумеется, жизнь на постройку коммунизма. Горький был жутко красноречив. А я как раз и был бродяга. Обещали дать койку в общежитии, но свободного места все не было и не было. Наконец нашлось. В небольшой комнате я оказался шестым, да ещё постоянно жил с нами бездомный студент с физмата, казах и, как говорили, гений. Гениев тогда было хоть пруд пруди. Вскоре к нам, тоже на птичьих правах, присоединился и мой друг Володя.

Жили мы на первом этаже, а под нами в подвале обитали, по рассказам, огромные крысы. Я их, правда, не видел. И было очень холодно. Один наш сожитель приловчился спать в валенках. Утром, пока мы возились со своими одежками, он вскакивал и с ходу дул на лекцию. Искусство спать в валенках, может быть, нам ещё пригодится больше других искусств, даже искусства кино. Так вот о холоде. Мы сидели в пальто, лекции записывали кое-как, да и слушали вполуха. Аудитория была большая и очень холодная. Но именно в этой морозилке я пережил один из наиболее запомнившихся в жизни, так сказать, ожогов напятия и прозрения (извините за высокопарность).

Мы слушали Тютчева. Как раз за 100 лет до моего рождения он написал стихотворение «День и ночь»:

... Но меркнет день – настала ночь;
 Пришла, и с мира рокового
 Ткань благодатную покрова
 Сорвав, отбрасывает прочь...
 И бездна нам обнажена
 С своими страхами и мглами,
 И нет преград меж ей и нами –
 Вот отчего нам ночь страшна!

И вот, сидя в своем пальтишке, ничего, конечно, не записывая, а только слушая, – но с какой-то нарастающей тревогой! – я вдруг почувствовал, что ткань благодатного покрова, вся эта мишура и позолота – сорваны и отброшены. Ей Богу, вдруг дошла до мальчишки грозная, беспощадная мысль поэта: а что если всё это – всё, что мы привычно считаем реальностью, – всё это просто видимость, златотканый покров, а настоящая действительность, сущность – это как раз тьма? Почему бы нет?

Я не знаю, какие лекторские или методические средства использовала Римма Васильевна Комина, но именно её лекция о Тютчеве в промозглой аудитории заставила меня с сомнением оглянуться вокруг, поселила во мне так и не иссякшую до сих пор тревогу: что же действительность – златотканый покров или все-таки единственно подлинная, неотменимая, не зависящая от нас тьма?..». Дальше в этих воспоминаниях Борис пишет о том, как на экзамене Р.В. Комина «нарезала полоски бумаги, написала на них куски текстов и спрашивает: «Кто это, по-вашему, написал в прошлом веке?». Но он не упомянул, конечно, о том, что единственным студентом, назвавшим всех авторов, оказался он сам. И дело не в памяти – он просто чувствовал стиль. Такой был у него слух на слово. А теперь ещё две цитаты.

«Профессор Кертман в одной маленькой комнатке нашего с Мешковым университета открыл (галерею? свиток свидетельств?) музей материальной культуры англичан (норманнов, кельтов, скифов, иудеев?). И он говорил: «...Когда студент увидит прялку, топор, обрывок вышивки или кусок пожелтевшей бумаги со странными знаками, то, может быть, сердце его содрогнется, и он постепенно начнет понимать, что история – это вовсе не борьба одной идеологии с другой такой же дуростью, – а это ежегодный вырост хлебного колоса, колыбель на крестьянском шесте, дорога, счастье и горе, разлука и встреча... И все, что случится. Да и лямку надо тянуть». Так вот сложились взгляды Бориса Гашева. А потом...

«...Наступил июнь, перед нами в красоте деревьев и свободы, в дружбе и волейболе, явилась как бы неизбежная, а на самом деле просто последняя

возможность не разлучаться. Нам было сказано ждать из Москвы дипломов, значков и последних государственных денег. Мы в безделье ждали их целый месяц. Из девятого общежития мы почему-то перегруппировались в десятое, географическое. Это был, наверное, июнь 1961 года. Вдруг вбегает Таня и кричит: застрелился Хемингуэй! Не знаю, что пережили географы со своими Козловым, Пржевальским и Песковым с Дроздовым, но для нас этим выстрелом, как в 14-м в Сараево, закончилась целая наша эпоха. И в отчаянии мы прильнули к нашему филфаку общей болью ещё сильнее – к его родной израненной груди.

Нас с Володей позвали к телефону. Володя сказал, что Римма Васильевна приглашает нас сегодня к себе... Мы пришли в своих белых студенческих рубашках. И какие-то длинные, как сказание, холодные цветы разлуки были у нас с Володей при себе. Владимир Васильевич, чтобы развязать нам языки, сразу спросил, любим ли мы Бабеля? Володя отвечал, что его детство прошло в Норильске. Но тут из кухни пришла Римма Васильевна с салатом.

Не знаю, как мой Володя с его Норильском, может, он привык к испытаниям, а я ещё любил домашний уют и боялся разлуки со всем, что успел полюбить.

Но тут мы все вместе хлопнули коньяку, и разговор оживился, получил более сложную окраску. Мы с Володей почувствовали, что мы тут, под стеллажами с книгами, где, наверное, стоят и Бабель, и наш с ним Гашек, вовсе здесь не чужие люди... Римма Васильевна, хозяйка за столом, провожала двух своих волонтеров, беспечных и беспутных. Она тогда была очень молода, и на её лице лежала тень беспокойства. Ведь и нам с Володей предстояло идти куда-то в даль. А даль подернута туманом...»

В этой туманной дали мы с Борисом и встретились. Гашев успел уже избежать карьеры ученого (его хотели оставить при кафедре, но в день, назначенный для собеседования, он сбежал от дверей кабинета ректора). Из школы его тянули в комсомольские лидеры, но тут он бежал просто в ужасе. Перетащили его к себе журналисты, сначала в г. Осе, а после перспективного автора быстро востребовала молодежная газета Перми. Но Гашев, получив первый приз за очерк на каком-то конкурсе (а очерк он почти целиком выдумал), вскоре стал уклоняться от писания любых журналистских материалов и занял в газете пост ответственного секретаря. Он хотел писать, но не в газету. Однако писательские его дела не сложились. Рукописи возвращали из журналов, а вскоре Гашева перестали печатать и в Перми. Проза его казалась парадоксальной, а шуток, как и прежде, не понимали. Только с подросшей нашей дочерью Ксюшей он переписывался в стихах и про-

зе, находя полное понимание. Шуточные письма и семья, конечно, утешали, но... Гашев жаловался: «Мне снится текст. Мне его прямо диктуют». Он уже не записывал диктовки и продолжал работать в секретариате пермской «Вечерки». Роман «Рылеев» и повесть «Бессмертная мышь» не были закончены. Но в конце 80-х подборку стихов Бориса Гашева напечатали в газете «Очарованный странник» (Ярославль). Затем, с легкой руки молодого пермского поэта Юрия Беликова, в журнале «Юность» также напечатали стихи Бориса. Публикация была признана лучшей за год. Гашев стал лауреатом премии В. Катаева. «Юность» печатала его ещё трижды. Он и радовался, и грустно улыбался: печататься в «Юности» после 50 лет... Но стихи ещё продолжал писать. А прозу забросил.

В повести «Бессмертная мышь» главный герой, который работает на кафедре предвосхитистики, рассказывает о своем друге детства. Этот друг – мышь Говоруха. «...Только попадается она редко... Это так называемая певчая мышь... Раньше я знал, что обыкновенно мыши не поют... Но моя мышь была певчая. И я понял, что рассказ пойдет обо мне: о том, как один мальчик стал стариком, и был у него друг Говоруха, а на кафедре и нигде в мире об этом не знали... А я предполагал, что скоро умру, и ничего не хотел терять преждевременно: мне казалось, что до самого конца лучше сохранитья целиком – иначе говоря, умереть, как и родился, мальчиком, как человек, а не как тело. Предположим даже, что и умру. В мире фактов и обстоятельств от этого кое-что прибавится. Где-то что-то застынет, а где-то появятся новые возможности... Ты и впредь будешь появляться, влиять, присутствовать, тормозить и содействовать. И все это будет происходить не без влияния Говорухи... Таким образом, она в сущности бессмертна...».

Накануне гибели Бориса, вечером, мы всей семьей были на кухне: я готовила еду, дочь читала вслух Булгакова. Боря слушал и вдруг попросил не читать главу «Никогда не заговаривайте с неизвестными». И тут на трубе у кухонной раковины появилась мышь. Она не обращала внимания на нас, на кота, которого принесла внучка Катя, да и кот на мышь не реагировал. Мышь выходила в освещенную кухню, полную людей, трижды за вечер. На следующий день в 4 часа дня Борис вышел во двор нашего дома, заговорил с неизвестными и погиб. Его хоронили 5 мая 2000 года. В небе был парад планет. Когда мы вернулись домой после похорон, шел крупный снег, а во дворе всю ночь пел соловей.

Опубликовано в книге стихов Б. Гашева «Невидимка» (М.: Футурум-БМ, 2003)